

Евгений Перемышлев

## Изумление блистающему графоману

Слова «похвальное слово», «ода», «гимн» здесь неуместны. Но как воздать прямо должное, надлежащее по справедливости? Приходится идти на уловки, подбирая сторонние обороты, отстраивать падежи. Не восхищение, изумление только, зато уж не кем, а кому, вроде подписного адреса, где перечислены достоинства юбиляра или бенефицианта, небесспорные, а заодно и сведения, ему самому известные, но не утрачивающие звучной сладости от повторений. Пусть будет так. Пусть это станет возникший к случаю окказиональный жанр. Как еще поощрить графомана, чьи творения неподражаемо высоки, находясь за гранью искусства?

Причиной тому приязни: тянется к безукоризненным образцам, но образцы выбирает из собственного разумения, по выражению «Хотинской оды», внезапные, и не представить, но ими воспламеняясь. А потому, отчасти, сочинения его причудливы, и так при абсолютной банальности.

Обязательное, неперемное даже, этот творец видит в том, в чем иной увидеть его не в силах, но он видит же. И восстает частная гармония, частью барочный частью шедевр. Перл, если правильной, жемчужина, и моллюск он сам, а песчинка, облекаемая затем бесценной оболочкой, есть событие или предмет незначительные, так – песок бытия, крупица, попавшая в живую желеобразную массу, что страдает от боли и неудобства и пытается защититься от неудобства и боли, растит жемчужину с неверными очертаниями.

Потому графоман и не может не писать, отторжения инородной крупницы требует весь его изъязвленный организм. Потому

графоман и пишет безостановочно, ибо плоть его мягка, уязвима, слаба, а песок бытия всеместен и жесток, от него ли спастись, уберечься...

Стихи графоманов, принимая их за ар-брют, собирал когда-то покойный Н.К. Старшинов, кажется, намереваясь издать толстую антологию и не понимая, что дело имеет со стихами, а не поэзией, с болью почти физической, однако не ставшей художественным жестом. Сколько форменной страсти заключено в подобном объяснении в любви:

Не сверли глазами стену,  
Пред тобой, как штык, стою,  
Поверни ж ко мне систему  
Ты капризную свою.

И выбрав с полдюжину стихотворений из нескольких сотен страниц, где на каждой шедевр за шедевром, предложил было растроганному от похвал и почтения автору напечатать их в альманахе «Поэзия», там имелся особый раздел насмешек и пародий, и обязательно эту жемчужину:

Потому что моя Зина  
Вся из отпуска пришла.

О, какой разыгрался скандал! Рукопись до листка была истребована обратно, говорены вещи злые и несправедливые. Все оттого, что имелся тремор жанра, дрожание меж и меж, и стихи не могли отыскать постоянного места в жанровом каноне. Блестящий графоман писал любовную лирику, добрейший редактор читал иронику, суть – насмешку.

Конфликт этот повторяется из раза в раз. О свойствах и достоинствах таких стихов можно спорить и возражать, но они приходят на память как нечто, что память застит. Надо ли тянуться далеко за примером? Хоть стихи цензора С.И. Плаксина, четверостишие откуда не дословно цитировалось в главе, вынутой из романа «12 стульев». Там сообщалось, что стихи опубликованы газетой «Ведомости градоначальства», издаваемой

в г. Старгороде, и являются поднесением к трехсотлетию дома Романовых. Тогда как листовку со стихотворными аллилуйями «В память высоч. Е. И. В. гос. имп. Николая II проездов через Одессу» на деле издала одесская городская управа, о чем упоминает в комментариях к роману покойный же Ю.К. Щеглов, цитируя подлинный текст.

Скажи, дорогая мамаша,  
Какой нынче праздник у нас, –  
В блестящем мундире папаша,  
Не едет брат Митенька в класс?

Взгляни ты: как много народа  
Из церкви сегодня идет!..  
А солнышко с ясного свода  
Златые лучи так и льет!..

И солнышко, дитяtko, знает,  
Что праздник великий настал,  
Что нынче к нам Тот прибывает,  
Кого Сам Господь нам избрал!

Кто из двоих соавторов запомнил этот рифмованный вздор, для чего надо было, пусть единожды, подержать в руках листовку с текстом, превратившуюся вскоре, подобно каждому летучему изданию, в библиографическую редкость, а затем и в антикварный уникум? Е. Петров? Это вряд ли. Чтобы почувствовать несоответствие внешней формы внутреннему содержанию, нужен вкус, который обретается с возрастом, нужна ироничность, тогда как у второго соавтора юмор благодушен. Но – Ильф?

Любопытна в исключенной главе отсылка к прошлому, деталь-мнемоника, сопровождающая цензорский стих: фейерверк в виде императорского вензеля. Может статья, отсылка к юбилею царствующего дома затем и дана, чтобы вспомнить эту деталь, она не случайна, завязшая в памяти всего поколения наблюдателей эпохи: «Когда я был маленьким, в мире еще уделялось немало внимания фейерверкам. Редко какой праздник обходился

без целого апофеоза из ракет, римских свечей, бураков, шутих... Из этого разноцветно взрывающегося, стреляющего, пестро и огненно вращающегося материала организовывались даже законченные зрелища в честь текущих или исторических событий. Так, я помню большой фейерверк по поводу гибели русского крейсера «Варяг» в японскую войну». Описывать фейерверк, сооруженный к приезду самодержца в Одессу или в день тезоименитства наследника, Ю. Олеша не решился. Да и ни к чему.

Вот рознь между тем, кто помнит, и тем, кто вспоминает, одно – статика, другое – процесс. Цензор-сочинитель будто бы помнил образец, избранный для стихотворства, Ильф, возможно, и Е. Петров – вспоминали, отсюда усмешка, и над эпохой, и над стихами, и над героем этой вынутой из романа главы, потому что он стал персонажем, уступив первенство молодому человеку около двадцати восьми лет, герою с шарфом на могучей шее и в лаковых штиблетах, надетых на босу ногу, зато с астролябией наперевес.

Несообразность поступи стиха его содержанию, малая привычность размера создают редкий эффект. Притом, что это обман, рифмованная криптограмма: кажущаяся странность или кажущаяся же обыкновенность, когда и то, и то – лишь мнимость, прием смыслового контражура при затемнении формы. Образец графоманом выбран безукоризненно, лишь образец неуместен. Стихотворный размер – трехстопный амфибрахий – действительно нечаст в русской поэзии, но писаны им вещи хрестоматийные, каковые всегда на слуху. Это размер некрасовский, воспевающий ли русскую женщину, что

Коня на скаку остановит,  
В горящую избу войдет,

Мороза ли воеводу, который, в иней ряда мертвецов,

Глядит – хорошо ли метели  
Лесные тропы занесли,  
И нет ли где трещины, щели,  
И нет ли где голой земли?

Сопоставление помазанника божия с таким постфольклорным уже и тогда персонажем создает особую тональность.

Добавить следует, что размер этот встречался и прежде, например у А.К. Толстого, но удивительным образом в стихотворении «Средь шумного бала, случайно...» не ощущается, может, и потому, что цезура в начале стиха отсутствует, тогда как почти в каждой строке таковая есть у Н.А. Некрасова.

Сколь осмысленно выбирался образец для подражания, думаю, не сказал бы и сам цензор С.И. Плаксин. Образец этот, однако ж, литературный, а блистающий графоман отличен как раз внезапностью сопряжений, испытывая восторг там, где зауряд-публика не увидит ровным образом ничего.

О том вольно судить по стихотворному опусу небезызвестного совсем одесского сочинителя А.Е. Крупнова «В память посещения государем императором и августейшей семьей г. Одессы», изданному собственным иждивением и тоже летучим, будто в расчете на скорый антик, листком.

Меря числом сочинений, посвященных императорским наездам, решишь, что помазанник наведывался в Южную Пальмиру чуть ли не чаще, нежели в Павловск и в Петергоф. Между тем визит 2 июня 1914 года был третьим (исключая тот, что совершен был допрежь коронации), и впереди оставалось два.

Но что Одессе какой-то император и самодержец всероссийский, московский, киевский, владимирский, новгородский; царь казанский, царь астраханский, царь польский, царь сибирский, царь Херсонеса Таврического, царь грузинский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая?

Здесь в изобилии своих венценосцев: король фельетона В. Дорошевич, король воздуха С. Уточкин, король налетчиков М. Япончик. Надо ли так удивляться сторонним императорам и царям? Собственно, их и прославляют, и возвеличивают одесские журналисты, как волны морские, быстрые, шумные, как морские же волны, и под стать морским волнам предпочитающие шипящие кое-каким остальным буквам русского алфавита, одесские журналисты, телефонирующие в редакцию о каждом шаге наезжих знаменитостей.

Неутомимые писаки, пронырливые хроникеры, репортеры от Б-га, им посвящается классический анекдот. На одном конце телефонного провода стенографистка, изнемогающая от усердия, на другом конце репортер-одессит, диктующий заметку для экстренного выпуска: «После завтрака цар... Попрошу пардону, щё? Я говорю, цар... Попрошу пардону, щё? Ну, цар, цар... Как не разборно, мадемуазель? Вам говорят чистейшим языком! Попрошу пардону, щё? Опять-таки нет? Ловите, передаю по буквам: Цилечка, Абраша и Рабинович с мягким кончиком. Ну, государ император же! Тепер таки разборно?».

Их старания не понапрасны, сенсационный материал о пребывании е. и. в. гос. имп. в Южной Пальмире сходу заслан типографам, чтобы свежей краской пахнущая газета прошлестела в руках читателей спустя час или два.

Стихотворный опус о явлении царственной семьи одесситам тоже должен бы свежо благоухать, вселяя бодрость и верноподданнический державный восторг.

День прохладой неги дышит,  
Даль небесная ясна,  
Ветер море чуть колышет,  
Дарит ласкою весна.

Слышен говор, шум народный  
И церковный перезвон,  
И гремит, как гром свободный,  
Клик ура со всех сторон.

Нынче Юг с Пальмирой Южной,  
Лишь забрезжила заря –  
Бодро встал нарядный, дружно,  
Чтоб приветствовать Царя...

Картинка так-таки так с вернисажа, в оглядке на образцы она сама – образец. День тут прохладен, даль чиста, и рифма диктует лад: начало июня названо весной, и это в Одессе! Но что ни делаешь ради полноты созвучия и его комплектности. Говор, шум,

1914.



АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА



АЛЕКСАНДР ФЕОДОРОВИЧ



НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

— ВЪ ПАМЯТЬ ПОСЪЩЕНІЯ —  
Государемъ ИМПЕРАТОРОМЪ и Августѣйшей Семейю  
г. ОДЕССЫ.

Дни прощанья вѣки дышатъ,  
Сльзь небесная вѣна,  
Вѣтеръ море путь вѣщаетъ,  
Даритъ ласкою вѣна.

Сладшеи гласъ, шумъ вѣрный  
И сердечный переливъ,  
И трепетъ, какъ гласъ свободный,  
Жилъ ура со всѣхъ сторонъ.

Наша Юль съ Палатной Южнѣ  
Шумъ избрала ура—  
Всего стала народный дружи,  
Чтобъ простижаться Царю—

Привѣтъ! Привѣтъ Тебѣ, Державный!  
Нашъ Царь! Нашъ Вождь юной родни!  
Прощай! Прощай! Прощай!  
Привѣтъ и вѣтъ шашкой, землѣ!

Да братъ путь Твоей Царской охоты!  
Снова да здравствуетъ Твое!  
Дай Богъ, чтобъ въ жилахъ Ты не встрѣтилъ  
Печалы, горькаго дога!

Чтобъ и въ Твоей преданности,  
Заблѣ, туждѣ дружелюбной Твоей  
Отдохнула Ты безъ страданья  
На блану Родныя Селты!

Да охранитъ Тебѣ Преданной  
Отъ злыхъ вѣдовъ, дѣтскихъ грѣхъ,  
Отъ бѣды народныхъ, мужъ сердечныхъ,  
И отъ гонимыхъ Царскихъ вѣтъ!

Привѣтъ! Привѣтъ Тебѣ, Родной!  
Прощай! Прощай съ Сынкомъ вѣна—  
Да братъ Господомъ вѣрнымъ  
Шелъ и славою **Августамъ!**

Дни прощанья вѣки дышатъ,  
Сльзь небесная вѣна,  
Вѣтеръ море путь вѣщаетъ,  
Даритъ ласкою вѣна.

Сладшеи гласъ, шумъ вѣрный  
И сердечный переливъ,  
И трепетъ, какъ гласъ свободный,  
Жилъ ура со всѣхъ сторонъ.

Наша Юль съ Палатной Южнѣ  
Шумъ избрала ура—  
Всего стала народный дружи,  
Чтобъ простижаться Царю—

*А. Е. Крупновъ.*

Одесса, 2 июля 1914 г.

Тел. № 3644. Цена 10 коп.

перезвон оттуда ж: именитые гости прибыли не сушей, а морем, на яхте «Штандарт». Катер доставил их с рейда к берегу, где состоялась торжественная встреча и промаршировал почетный караул в присутствии командующего войсками Одесского военного округа, градоначальника, городского головы и думцев. А после этого поездом император с семьей и приближенными отправился на вокзал. Там-то и ожидали восторженные толпы горожан, вставших с зарей, но дождавшихся бесценных гостей лишь в 3:30 пополудни. Царица вернулась в поезд, а император с детьми автомобилем выехал на 7-ю станцию Большого Фонтана в расположение военного лагеря, где прошел смотр войскам, после чего император с детьми вернулся на станцию и теперь уже и вместе с царицей отправился в порт. Катер отвез их на яхту. Там в 7:30 вечера дан был торжественный ужин.

Перечислены эти детали, чтобы высказать странную догадку: с половины второго дня до половины восьмого вечера августейшая семья, за исключением разве что царицы, находилась на людях непрерывно – торжества, чествования. Ни сам император, ни, тем более, дети не имели возможности ни оправиться, ни подкрепиться. Это в благодатной, хлебосольной, вольной и гостеприимной Одессе. Только здравицы, только ликования, только клики и перезвоны, которым вторят подведенные голодом желудки.

Привет! Привет Тебе, Державный!  
Наш Царь! Наш Вождь земли родной!  
Прими, Отец Наш Православный,  
Привет и наш поклон земной!

Да будет путь Твой Царский светел!  
Семья да здравствует Твоя!  
Дай Бог, чтоб в жизни Ты не встретил  
Печалей, горестного дня!

Чтоб все Твои предначертанья,  
Заботы, труд державный Твой  
Осуществлял Ты без страданья  
На благо Родины Святой!



Да охранит Тебя Предвечный  
От зол войны, житейских гроз,  
От бед народных, мук сердечных  
И от тяжелых Царских слез!

Привет! Привет Тебе, Родимый!  
Прими привет с Семейю всей –  
Да будет Господом хранимый  
Велик и славен Алексей!

Ритуальные формы величания противны реальности, отталкивают ее, словно добротный прорезиненный макинтош небесную слять. От зол войны охраняться было поздно, смотр гарнизона предпринят именно из-за приближающейся военной угрозы. Наследник страдал хронической болезнью, и что там впереди – тщетно было гадать. Но формулы, формулы истребовали, даже в такой строке отсылка к хрестоматийной «Полтаве», а чем закончил славный и богатый Кочубей – известно. Может быть, оттого величание кончается повторением трех начальных строф, замыкая стихотворный текст в кольцо.

День прохладой неги дышит,  
Даль небесная ясна,  
Ветер море чуть колышет,  
Дарит ласкою весна.

Слышен говор, шум народный  
И церковный перезвон,  
И гремит, как гром свободный,  
Клик ура со всех сторон.

Нынче Юг с Пальмирой Южной,  
Лишь забрезжила заря –  
Бодро встал, нарядный, дружно,  
Чтоб приветствовать Царя!

Таинственный жанр графоманской оды или досужего памятования функционирует по собственному неразумению. Функция припева, повторения, должного по традиции быть универсальным, вывернута, она – единична, тогда как значение центрального фрагмента универсально, растянуто во времени, это пожелание, которое должно не просто свершиться, но длиться, по возможности, долго, а в пределе своем – бесконечно.

Но это частности, ибо главнейший образец принят блистающим графоманом тут не из литературы, образец – архитектурен. Это очевидно по всей причудливости заглавных и строчных, изяществу гарнитуры, игре декоративными элементами: рамка, планка, отбивающая столбец от столбца, а заглавие подпиральная снизу, точно приподнимая на некоторое возвышение, даже подставку фриза, сами четверостишия скреплены, будто вязкой раствора, декоративными звездочками. Архитектурное построение листа демонстрирует словно фасад псевдоклассического стиля, тут и стереобат, и капители парадных колонн, и архитрав, и тимпан. Портреты царствующей семьи украшают как бы фронтон, где обозначен даже год, когда возведено это бумажное здание (если найдется досуг, впору б и поискать, какое городское строение послужило сочинителю наглядным образцом).

Что перед нами не игры типографа, следует заключить из двух обстоятельств. Листок издан собственным иждивением стихотворца, равно как и другие его издания, то есть заказчик должен был одобрить предварительно вид листка, тем более приуроченного к такому экстранеординарному случаю. Указаны здесь же, вписанные в общий архитектурный вид, типография Я.М. Сагала и телефон, по которому следовало звонить. Соавторство наглядно.

И задумываешься невпопад – сколь уместно быть воспету блистающим графоманом, превратиться в жемчужину, кособокий перл создания, будучи испокон песчинкой бытия.

